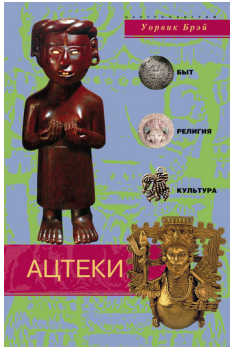
Уорвик Брэй
БЫТ
РЕЛИГИЯ
КУЛЬТУРА
АЦТЕКИ

Уорвик Брэй

Ацтеки. Быт, религия, культура

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=606725
Ацтеки. Быт, религия, культура : Центрполиграф; М.:; 2005
ISBN 5-9524-1740-X

Аннотация

Автор касается всех сторон жизни ацтеков – религии и ритуалов, архитектуры и письменности, ремесла и быта. Вы познакомитесь с характерными особенностями и устройством их огромной империи. Узнаете, как зарождалась и развивалась могущественная цивилизация ацтеков вплоть до вторжения испанцев в XVI веке.

Содержание

Предисловие 4
Глава 1 8
Мексика для ацтеков 13
Рост ацтекского государства 20
1. Период странствий, 1168—1325 гг. 21
2. Закрепление в Мексиканской долине, 1325—1440 гг. 23
3. Расширение и завоевания, 1440—1521 гг. 28
Империя в 1519 году 32
Глава 2 38
Физический облик 38
Чистоплотность 40
Косметика 41
Одежда 45
Национальный характер ацтеков 53
Еда и питье 58
Игры и развлечения 66
Музыка и танцы 74
Язык и устная литература 85
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Уорвик Брэй
Ацтеки. Быт, религия, культура

Посвящается моей жене

Предисловие

В 1519 году Эрнандо Кортес с небольшой испанской армией высадился на восточном побережье Мексики. С того момента ацтеки стали частью европейской истории, и наше отношение, как европейцев (скорее в культурном, а не в географическом смысле этого слова), к этой цивилизации не слишком отличается от отношения испанца, жившего в XVI веке. Мы разделяем удивление Кортеса по поводу богатства цивилизации, лишенной таких благ, как колесо, железные инструменты, алфавит и всего прочего, что мы привыкли считать само собой разумеющимся. Как и Кортеса, нас отталкивает ацтекская религия с ее идолопоклонством и человеческими жертвами.

И все же то, что казалось столь странным и экзотичным испанцам, для индейцев было всего лишь частью

повседневной жизни. С точки зрения ацтеков, странными были именно испанцы с их бледной кожей и диковинными одеждами, их лошадьми и порохом, грубыми манерами и непочтительностью по отношению к богам, управлявшим ацтекской Вселенной.

Эта книга представляет собой попытку воссоздать жизнь ацтеков накануне вторжения испанцев. С этой целью были использованы как археологические свидетельства, так и ранние документальные источники. Я использовал рукописи людей, принимавших участие в испанском походе и своими глазами видевших Теночтитлан до того, как он был разрушен. Письма, которые Кортес писал императору Карлу V в течение 1519—1526 годов, содержат описания образа жизни ацтеков. Дополнением к ним служат записи, оставленные четырьмя соратниками Кортеса: Берналем Диасом дель Кастильо, Андресом де Тапиа, Франсиско Агвиларом и неизвестным солдатом, назвавшим себя просто «подчиненным сеньора Эрнандо Кортеса».

Солдат сменили священники, многие из которых были образованными и благожелательно настроенными людьми, стремившимися постигнуть обычаи индейцев. Первая группа францисканских монахов прибыла в Мексику спустя всего три года после конкисты. Среди них был Торибио де Бенавенте по прозвищу

Мотолиниа (Бедняк), чьи «Записки» и «История индейцев Новой Испании» полны его собственных впечатлений об индейской жизни.

Заметной фигурой в изучении жизни ацтеков был другой францисканский монах, Бернардино де Саагун, ступивший на землю Мексики в 1529 году и проведший там большую часть своей жизни. Его «Общая история Новой Испании» была написана на науатле, языке ацтеков, и содержала рассказы, часто записанные дословно, коренных жителей Мексики, которые сами пережили все то, о чем рассказывали, и часто знали многие исторические и религиозные тексты наизусть, что было частью образования в традиционных ацтекских школах. Артур Андерсон и Чарльз Диббль подготовили английское издание *Флорентийского кодекса,* которое в совершенстве передает особенности ацтекской речи со всем ее многословием и повторениями. Все используемые в дальнейшем цитаты, приписываемые Бернардино де Саагуну, взяты из текста Андерсона – Диббля.

В своем «Кратком описании богов Новой Испании» испанец Алонсо Сорита оставил одно из лучших в XVI веке описаний клановой и землевладельческой системы ацтеков. К тому же периоду относятся исторические труды Диего Дурана, а также испанизированных индейцев – Тесосомока и Иштлилшочитля.

Еще одним ценным источником информации стали ацтекские пиктографические книги *(кодексы).* Несмотря на то что многие экземпляры были написаны уже после конкисты, они включают в себя много доиспанского материала. Один из таких манускриптов, *Кодекс Мендосы,* содержит копию реестра податей Монтесумы и трактат об обучении детей. Другие кодексы включают сценки из повседневной жизни, а также изображения предметов домашней утвари, одежды, богов и символов календаря.

Из более поздней литературы я хотел бы выделить три книги: «Ацтеки, люди солнца» Альфонсо Касо, «Мировоззрение и культура ацтеков» М. Леон-Портильи и «Повседневная жизнь ацтеков» Жака Сустеля. Труды Ольмоса, Саагуна и Сориты включают много песен и сказаний, почерпнутых из устного мексиканского творчества, но изучение этого явления было бы неполным без работы «История литературы науатль», принадлежащей перу А.М. Гариба и содержащей множество переводов текстов, написанных на языке ацтеков.

В транскрипции имен я старался следовать общепринятому стандарту, хотя он не всегда является корректным. Например, стала привычной передача имени Монтесума, хотя ей предшествовала более точная – *Моктесума* или *Мотекухсома.*

Глава 1
Природные условия и история

Мексика – страна контрастов. В пределах ее границ есть бескрайние пустыни, горные вершины, на которых никогда не тает снег, и пышные тропические леса, зеленый массив которых узким поясом тянется вдоль прибрежной равнины от юго-востока Соединенных Штатов до полуострова Юкатан. Климат в большей степени зависит от высоты над уровнем моря, чем от географической широты, и по мере того, как изменяется температура и количество атмосферных осадков, меняются растения, агротехника, время сбора урожая, фауна.

Прежде всего, Мексика – земля гор. По форме страна напоминает рог изобилия, широкий конец которого находится на севере. Большая часть территории располагается над уровнем моря на высоте тысяча метров, а горный хребет в форме буквы «Y» состоит из горных цепей, повторяющих очертания побережий, хотя они и находятся на расстоянии 150—300 километров от моря. Западная гряда выше восточной, и между ними простирается плато с лугами и мескитовыми деревьями, которое граничит с настоящей пу-

стыней. На этой бесплодной земле невозможно было заниматься земледелием, и она оставалась прибежищем племен, живших охотой и собиранием диких растений. Ацтекский образ жизни, построенный на сельском хозяйстве и ярком урбанизме, не мог процветать на плато, и ацтеки никогда не предпринимали попыток включить эту бесполезную землю в состав своей империи.

Примерно в 500 километрах севернее города Мехико (который был ацтекской столицей, известной как Теночтитлан) две скалистые горные цепи сливаются воедино, образуя страну, разрезанную горными хребтами на несколько долин, каждая из которых отделена друг от друга и, вследствие перепада высот, обладает специфичной, только ей одной присущей средой.

Самая обширная из этих долин, родина ацтеков и – по крайней мере, на некоторое время – предел их политических амбиций: Мексиканская долина. Она лежит на высоте около 2,5 километра над уровнем моря. Строго говоря, это вовсе не долина, а внутригорная впадина, не имеющая природного выхода. По форме она напоминает цифру 8, около 120 километров с севера на юг и 60 километров в ширину, площадью около 9500 квадратных километров. На юго-востоке возвышаются укрытые снегом вершины вулканов Попокатепетль (Курящаяся гора) и Истаккиуатль

(Белая Женщина). Вся долина обрамлена горами, которые, хотя и не препятствовали передвижению людей, отделяли центральную часть государства ацтеков от остальной части страны.

Теперь это безлесная, иссушенная земля, над которой постоянно вьется пыль. Большую часть года пейзаж представляет собой мозаику из разных оттенков коричневого и серого цветов и зеленеет только весной, когда появляются травы. Горные склоны никогда не были заселены и никогда не обрабатывались, но во времена ацтеков на самых высоких склонах росли леса, в которых встречались сосны, ели, кедры и дубы. Активно культивировались только расположенные ниже склоны с их плодородной почвой. Сегодня леса исчезли. Их вырубка началась задолго до появления испанцев, ибо каждая из сменявших здесь друг друга индейских цивилизаций нуждалась в дереве – для постройки домов, на дрова и топливо для печей, в которых обжигали известь. Испанцы нанесли еще больший ущерб, чем индейцы. Лес уничтожался быстрее, чем мог восстановиться, а с исчезновением лесного покрова и ввозом из Европы овец и коз наступила неизбежная эрозия.

Для людей здесь природным фактором более важным, чем реки (бурные, неуправляемые потоки во влажные летние месяцы и пересохшие русла зимой),

было озеро в центре долины. В результате осушения после конкисты озеро сильно обмелело, но во времена ацтеков оно играло жизненно важную роль в экономике долины, давая рыбу и водоплавающую дичь, свежую воду для питья и орошения полей, а также тростник, используемый для сооружения крыш домов, плетения корзин и циновок. Громоздкие товары с легкостью перевозились на каноэ от одного стоявшего на берегу озера города до другого. Город Теночтитлан был построен у воды, его дома стояли на сваях или островках, разделенных каналами.

Глубина озера составляла всего 3—4 метра. Можно сказать, что это была система из пяти озер, каждое из которых имело название. Три северных озера были солеными, потому что приносимые реками минералы не могли вымываться через природные стоки, но озера Чалько и Шочимилько, постоянно пополнявшиеся талым снегом и пресноводными ручьями, оставались пресными круглый год.

В Мексиканской долине не было своего золота или хлопка, но в других отношениях она была прекрасно обеспечена ресурсами первой необходимости. Соль, камни для постройки зданий, дерево и обсидиан для инструментов – все это добывалось здесь. Климат был благоприятным, в хороший год достаточное количество дождей, выпадавших с июня по сентябрь,

гарантировало обильный урожай кукурузы. Во время конкисты долина обеспечивала от 1 до 3 миллионов человек, здесь насчитывалось более двадцати городов и множество деревень.

В середине XV века ацтеки затеяли расширение государства, присоединяя новые земли, где открыли природную среду, весьма отличающуюся от привычной им. К югу, на территории современных штатов Морелос и Пуэбла, располагался регион теплых и влажных долин, орошаемых рекой Бальсас и ее притоками. Здесь, на высоте от 900 до 1800 метров над уровнем моря, индейцы выращивали хлопок и субтропические фрукты – особенно успешно, когда с помощью ирригации была обеспечена постоянная подача воды. Дальше на юг лежат холмы Оахака, богатые медью и золотом.

А на жарком побережье залива круглый год царил зной – в отличие от долины, где зимними ночами может ударить мороз, а иногда даже пойти снег. Из этого региона ацтеки получали каучук, бобы какао, шкуры ягуаров и перья тропических птиц.

Мексика для ацтеков

Корни ацтекской цивилизации уходят глубоко в прошлое. За тысячу лет, которая предшествовала рождению Христа, сложился определенный индейский образ жизни, а к началу христианской эпохи уже сформировались многие элементы ацтекской культуры. К тому времени более развитые племена уже создавали грандиозные религиозные архитектурные ансамбли, главными зданиями которых были храмы в форме пирамид, стоявшие на возвышениях. Жрецы уже владели иероглифическим письмом и начали использовать 52-летний календарный цикл, который лег в основу ацтекского религиозного мировоззрения.

В IV—VI веках в центральной части Мексиканской долины преобладающее влияние имел город Теотиуакан, находившийся всего в 50 километрах от того места, где впоследствии возникнет ацтекская столица. Теотиуакан во всех отношениях был великим городом. Он занимал площадь более 2 тысяч квадратных километров, а его центр состоял из храмов и дворцов, над которыми возвышались гигантские пирамиды Солнца и Луны. Многие здания города украшали резные и живописные изображения богов, которым будут поклоняться и ацтеки. Это Тлалок – Бог Дождя,

Кецалькоатль (Пернатый Змей), Чальчиуитликуэ (Богиня Воды), Шипе-Тотек (Владыка со Снятой Кожей) и многие другие.

Примерно в 600 году Теотиуакан пал, и ко времени ацтеков даже имена его строителей были забыты. Но город фигурировал в легендах как центр цивилизации и науки и как место, в котором боги собрались, чтобы создать Солнце. Его местоположение все еще не было забыто, и Монтесума, последний из повелителей ацтеков, предпринял несколько странствий к руинам Теотиуакана.

Другой цивилизационный слой, к которому часто обращались ацтекская мифология и история, – это народ *толътеки,* чья столица находилась в Толлане (сегодня там город Тула). Легендарный Толлан – это загадочная страна, где высятся дворцы из золота и бирюзы, где початки маиса (кукурузы) заслоняют свет, а заросли амаранта так высоки, что люди взбираются на них, как на холмы. Управляемые богом Кецалькоатлем, тольтеки открыли тайны движения светил и здоровья человека, они вели праздную жизнь, слушая пение птиц, сочиняя музыку и создавая чудесные украшения.

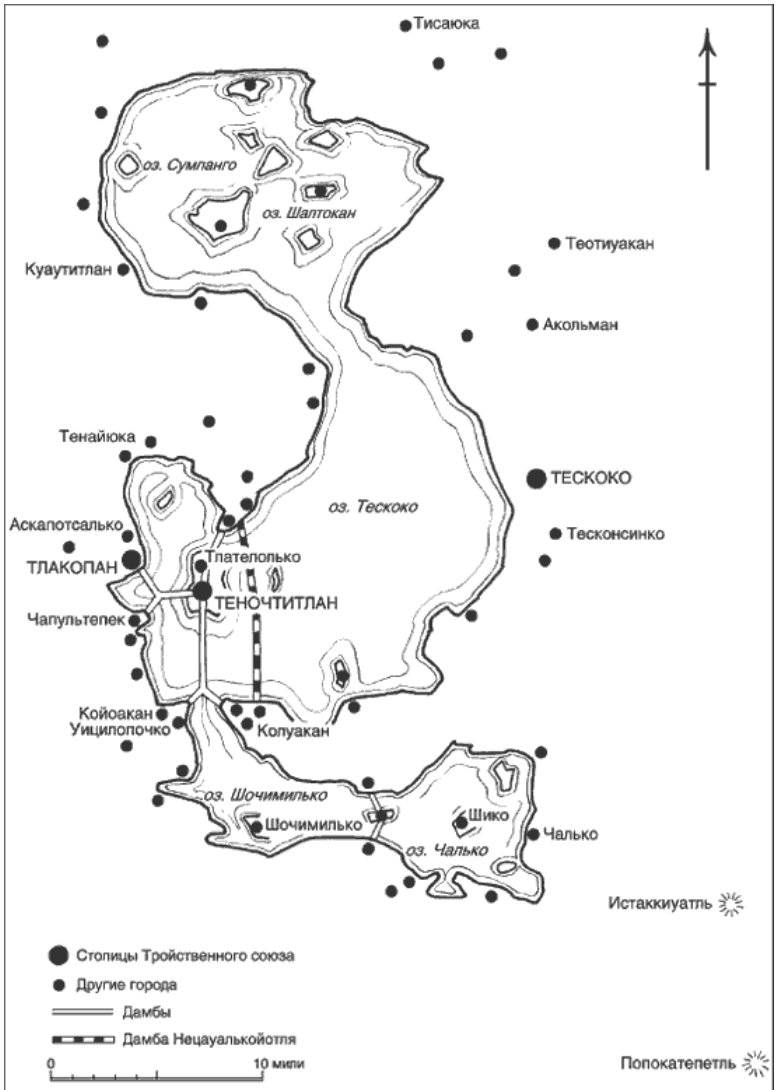
Тисаюка
оз. Сумпанго
оз. Шалтокан
Куаутитлан
Теотиуакан
Акольман
Тенайюка
ТЕСКОКО
оз. Тескоко
Аскапотсалько
Тесконсинко
ТЛАКОПАН
Тлателолько
ТЕНОЧТИТЛАН
Чапультепек
Койоакан
Уицилопочко
Копуакан
оз. Шочимилько
Шочимилько
Шико
Чалько
оз. Чалько
Истаккиуатль
Столицы Тройственного союза
Другие города
Дамбы
Дамба Нецауалькойотля
0
10 миль
Попокатепетль

Рис. 1. **Долина Мехико во времена ацтеков.**

Истина была более прозаична. Тольтеки были реальными людьми, господствовавшими над большей частью центральной Мексики с X до XII века. Второй повелитель тольтеков, Топильцин, родился примерно в 935 году и перевел свою столицу в Тулу. Здесь археологи обнаружили храмы-пирамиды, площадки для ритуальной игры в мяч, монументальные изображения Кецалькоатля. В легендах Топильцин, по всей видимости, стал олицетворяться с богом Кецалькоатлем, история и мифология тесно переплелись. Предания говорят, что в результате конфликта на религиозной почве Топильцина-Кецалькоатля изгнали из Тулы и он со своими сторонниками бежал к побережью залива. Отсюда, по одной из легенд, он отплыл прочь, пообещав своим людям в один прекрасный день вернуться. Шесть веков спустя, когда испанцы высадились на побережье, эта легенда все еще была жива в памяти ацтеков, и Монтесума II сначала решил, что Кортес – это не кто иной, как бог со своими приверженцами, вернувшийся, чтобы, как он и обещал, истребовать обратно свое царство.

После изгнания Топильцина тольтеки продолжали процветать. Тескатлипока (Дымящееся Зеркало), то-

же один из богов ацтекской мифологии, заменил Кецалькоатля как верховное божество, и тогда в качестве отправления религиозного культа были введены человеческие жертвоприношения. Но действительно, в результате археологических раскопок в Туле были обнаружены целые пирамиды из черепов, а также сосуды, содержавшие сердца жертв, так что, может быть, в этой легенде есть некоторая истина. Определенно, культура тольтеков была воинственна и в тольтекской каменной резьбе мы уже узнаем знаки различия воинов Орла и Ягуара, двух великих воинских братств ацтеков.

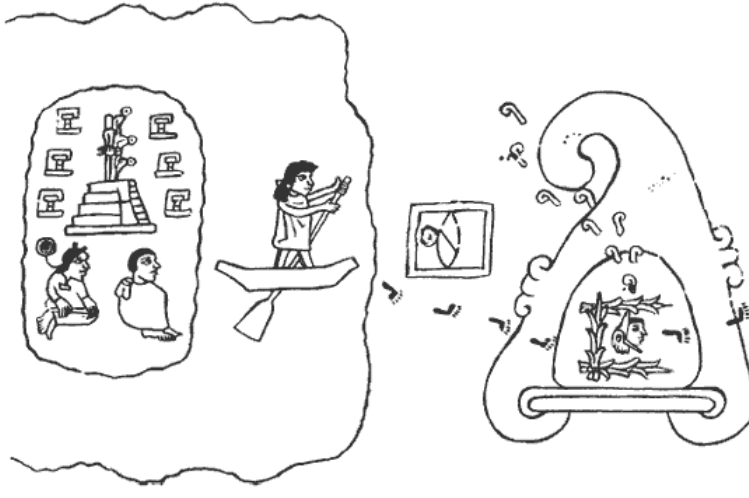

Рис. 2. **Ранняя история ацтеков. Мексиканцы покидают свой родной остров, на каноэ пересекают озеро в 1-й год Кремня (1168 г.) и, наконец, прибывают в пещеру на склоне холма, где обнаруживают чудотворную говорящую статую Уицилопочтли (Кодекс Ботурини, 1540 г.).**

Незадолго до 1200 года государство тольтеков рухнуло. Археологические раскопки показали, что Тула была разграблена, а ее здания разрушены – вероятно, варварскими племенами с севера. В центральной Мексике больше не существовало объединяющей силы. Некоторые тольтеки, которым удалось спастись, бежали в южную часть долины, где, в таких городах, как Шико и Колуакан, они не давали угаснуть традициям тольтекской цивилизации и культуры. В северной части долины появились полуцивилизованные племена, известные под общим названием *чичимеков,* основавшие собственные маленькие государства в Тенайюке, Аскапотсалько и других городах. Постепенно произошло смешение культур и другие племена приобщились к цивилизации тольтеков, хранимой их потомками. Значит, в каком-то смысле, мы можем проследить преемственность от тольтеков к их последователям чичимекам. Те, в свою очередь, заяв-

ляли, что по праву сильных они стали законными наследниками тольтеков, и несколько династий чичимеков пытались упрочить свои притязания, посредством браков вступая в родство с благородными тольтекскими семьями.

Рост ацтекского государства

Последним из пришедших в долину варварских племен была группа, говорящая на языке науатль, – известные нам ацтеки, хотя сами они называли себя *мешиками* или *теночками.* Их столицей стал город Мехико-Теночтитлан.

Древняя история ацтеков известна мало, впервые они появились на исторической сцене в XIII веке, когда проникли в долину Мехико. Откуда пришли ацтеки, до сих пор неизвестно, но, согласно их собственным записям и легендам, они покинули свою родину в 1168 году и почти целое столетие скитались по стране, прежде чем осесть на берегах озера Тескоко. Цифру 1168 не следует принимать буквально. Однако, мифологическая или нет, – это одна из предполагаемых дат и крушения империи тольтеков. По смыслу странствия ацтеков стали частью миграции варварских племен, последовавшей за разрушением старого порядка и приведшей к появлению чичимеков в Мексиканской долине.

История ацтеков состоит из трех частей: период странствий, окончившийся основанием Теночтитлана, период упрочения положения ацтеков в Мексиканской долине и, наконец, период расширения и завое-

ваний, который закончился, когда ацтеки сами были завоеваны испанцами в 1521 году.

1. Период странствий, 1168—1325 гг.

Единственным источником информации об этом периоде для нас остаются легенды, часто довольно противоречивые.

По одной версии, ацтеки пришли с Астлана – острова в середине озера. Они приплыли к берегу на своих каноэ и там, в пещере на склоне холма, обнаружили идола Уицилопочтли, который должен был вести их в странствиях (см. рис. 2). С этого места они отправились в путешествие, сопровождаемые некоторыми другими племенами – предками тех, кто основал маленькие царства в Мексиканской долине во время краткого господства чичимеков. Постепенно группа распалась, другие племена отправились завоевывать территорию, где они могли бы основать свои государства, а ацтеки продолжили свое путешествие в одиночестве, прислушиваясь к советам своего бога и воздавая ему почести при каждой остановке. Во время этой миграции они изменили свое название на *мешика.* В конце концов ацтеки появились в Мексиканской долине и обнаружили, что лучшие земли здесь уже заняты другими.

Пусть эта легенда неточна в деталях, но в целом она, кажется, заслуживает доверия. Ацтеки фигурируют как мигрирующее племя, одно из тех, что отправились странствовать после гибели тольтекского государства. В лучшем случае мешика-ацтеки были всего лишь полуцивилизованным народом. Они лишь время от времени занимались сельским хозяйством, носили одежду из волокон агавы, и (хотя это кажется сомнительным на данном этапе ацтекской истории) их жрецы владели грамотой. Ацтеков можно причислить к тем чичимекским племенам, которые жили рядом с цивилизацией и усвоили навыки земледелия и несколько полезных ремесел от своих более развитых соседей. В этом их отличие от «теочичимека» – «крайних» чичимеков из мексиканских анналов, оставшихся примитивными охотниками.

Ацтеки пришли в долину с северо-запада, со стороны Тулы и Сумпанго, и обнаружили, что им негде жить. Некоторое время они вели рискованную жизнь, самовольно селясь на чужих землях, откуда их постоянно выгоняли. Примерно с 1250-го по 1298 год ацтеки были вассалами Аскапотсалько, столицы царства *тепанеков.* Затем они жили под покровительством Колуакана до 1323 года, в тот год они совершили ужасную ошибку – принесли тепанскую принцессу Колуа в жертву богу Уицилопочтли. И снова ацтеки вынуж-

дены были бежать. Они нашли пристанище в болотах озера Тескоко.

Здесь эти изгои вели жалкое существование на нескольких необитаемых прежде островах, окруженных топями. Тут их, наконец, оставили в покое, поскольку другие племена не считали их достойными внимания и еще потому, что территория, выбранная ацтеками, была ничейной землей, приютившейся между границами Аскапотсалько на севере, Тескоко на востоке и Колуакана на юге. Никто из соседей не желал рисковать и развязывать с остальными войну за обладание кучкой бесполезных островков.

И вот, в этой суровой, негостеприимной обстановке во 2-й год Тростника (по различным данным: 1325, 1344 или 1345 гг.) ацтеки основали свой город, который назвали Теночтитлан (Место Священной Опунции).

2. Закрепление в Мексиканской долине, 1325—1440 *гг.*

Пока новые государства не достигли равновесия сил, в долине царила неразбериха. Эти крошечные государства, порой состоявшие всего лишь из одного города или реже из трех-четырех важных городов, враждовали друг с другом с таким же энтузиазмом, как

города-государства Древней Греции или Италии эпохи Возрождения, и по тем же самым причинам – пытались расширить сферу своего политического влияния, выжать из подчиненных городов как можно больше дани или оттяпать то там, то сям кусок чужой территории. Хотя подобные войны и междоусобицы занимают важное место в истории, есть смысл представить, сколь невелик был масштаб этих событий. Как говорит путеводитель, туристы могут за один день объехать на машине весь театр военных действий.

Теночтитлан начался с группки тростниковых хижин, окружавших храм Уицилопочтли на одном из топких островков. Легенды говорят, что второй город, Тлателолько, был основан примерно в это же время на таком же островке, всего в миле к северу (его название означает «Место Холмов»), но недавние раскопки показали, что на этом месте существовало более раннее поселение. Какой бы ни была история основания Тлателолько, этот город скоро стал ацтекским и, вместе с Теночтитланом, вошел в зависимость от царства тепанеков в Аскапотсалько, которое в это время как раз начало расширяться под руководством Тесосомока. Мешика-ацтеки вынуждены были платить дань и принимать участие в корыстных войнах на стороне своего сюзерена.

Группы хижин постепенно сменились каменными

городами, и к середине XIV века и Теночтитлан, и Тлателолько стали городами достаточно крупными, чтобы обратиться к другим племенам с просьбой обеспечить их правителями. Первым монархом Теночтитлана стал Акамапичтли (1367—1387), принц династии Колуакан, а Тлателолько достался в удел сыну Тесосомока.

Во время правления Уицилиуитля, второго владыки Теночтитлана, правившего с 1397-го по 1415 год, ацтеки оставались под властью Аскапотсалько, который к тому времени уже справился со своим единственным серьезным противником, государством Тескоко на восточном берегу озера, и образовал самое могущественное государство в долине. Однако могущество тепанеков было недолгим. В 1426 году престарелый Тесосомок умер, и трон Аскапотсалько перешел к Маштле, злейшему врагу Теночтитлана. Первым же делом Маштла организовал убийство правителя Тлателолько, а затем и третьего правителя Теночтитлана – Чимальпопоки. Наследником Чимальпопоки стал Ицкоатль (1427—1440), создавший грандиозный союз с целью освободиться из-под власти Аскапотсалько. В этот союз вошли приозерные города Тлателолько и Тлакопан, а также от побежденных тескоканцев Нецауалькойотль, их правитель в изгнании. Союз попросил помощи у Тласкалы и Уэшотсинко –

двух государств, расположенных за пределами долины, и объединенные силы подготовили операцию, которая вернула Тескоко законному наследнику и захватила главные города тепанеков. К 1428 году власть Аскапотсалько рухнула.

Эта победа стала поворотным пунктом в истории ацтеков. Союзники оказались наследниками империи тепанеков – если, конечно, столь величественное слово может быть применено по отношению к такому маленькому государству – и поделили добытое между собой. Тескоканцы восстановили свой город и подвластные им города и с тех пор контролировали восточный берег озера. Тлакопан получил землю на западном берегу. Ацтеки же нашли свою первую прочную опору на берегу озера, где они захватили некоторые области к северу и югу, в которых говорили на языке науатль. Теперь победители могли диктовать свои условия другим государствам долины. Сложившееся положение было официально оформлено как Тройственный союз между Теночтитланом, Тескоко и Тлакопаном, которые договорились о военной взаимопомощи и дележе будущих военных трофеев – по две доли для Тескоко и Теночтитлана (которые предоставляли большее количество воинов) и одна доля для Тлакопана (который, в основном, отвечал за транспорт и провизию). Этот Тройственный союз до-

минировал в Мексике на протяжении следующего столетия. По крайней мере номинально правители Тескоко и Теночтитлана были объединенными правителями того, что называют «ацтекской империей», и этой видимости придерживались еще долгое время после того, как Теночтитлан стал доминирующим партнером. Только при Монтесуме II, незадолго до испанского вторжения, Тескоко утратил свое положение и превратился в зависимое государство.

Победа имела не только политический, но также и психологический эффект. В один миг Теночтитлан превратился из вассального островного государства в мощную силу, которая теперь могла сама требовать дань с других и имела свои интересы на материке. Ацтеки узнали, что агрессия окупается, и это открытие изменило их жизнь. Во время своих странствий они представляли собой солдат-крестьян, организованных довольно демократически, почти не имеющих классовой иерархической структуры, столь явственно оформившейся позднее. Однако увеличение мощи и ответственность потребовали руководства другого уровня. Выросло влияние и престиж касты воинов. Контроль за повседневной жизнью перешел в руки знати и профессиональных управляющих. Но и ацтеки в целом ощутили большую уверенность и чувство превосходства над прочими народами.

Подобное отношение намеренно культивировалось Ицкоатлем и его главным жрецом Тлакаэлелем. Именно в это время были сожжены старые исторические манускрипты, поскольку они делали слишком сильный акцент на варварское происхождение ацтеков. Ицкоатль также сделал попытку уничтожить записи древних царств, потому что в них либо вообще не было упоминания об ацтеках, либо они довольно откровенно повествовали об их прежнем положении. А они уже чувствовали себя избранным народом, чьей самозваной миссией было осуществлять завоевания во имя Уицилопочтли.

Скоро было покончено с крошечными государствами долины, и с капитуляцией Чалько и Шочимилько главенство Тройственного союза еще более упрочилось. Теперь вся долина Мехико находилась под властью союзников. Дальнейшие завоевания могли иметь место только за пределами долины, этого маленького замкнутого мирка, но после одной из кампаний, в которой он покорил часть Морелоса, Ицкоатль скончался.

3. Расширение и завоевания, 1440—1521 гг.

Монтесума I (1440—1468) продолжил агрессивную

политику своего предшественника. Он захватил территорию *миштеков* на юго-западе, и его армии прорвались через восточные земли до самого побережья залива в Уастеку и Вера-Крус. Впервые горное государство получило возможность требовать дань с этих областей. Экзотические продукты (шоколад, каучук, хлопок, тропические фрукты и редкие перья), которые были в новинку, стали поставляться в Теночтитлан во все больших количествах, изменяя привычки аристократии и порождая все новые требования, которые могли быть удовлетворены только посредством новых завоеваний. Пленников, захваченных во время битв, приносили в жертву Уицилопочтли, и эти жертвы стали основой мексиканской религии, подобно тому как новое сырье легло в основу экономики.

Теночтитлан вырос из столицы в имперский город, в то же время его главный союзник, Тескоко, входил в свой золотой век под владычеством Нецауалькойотля. Из двух городов Теночтитлан был более могущественным, но Тескоко стал интеллектуальным и художественным центром долины. Здесь говорили на простой и элегантной форме языка науатль, а сам Нецауалькойотль был непревзойденным оратором, чьи поэмы и речи надолго пережили его. Он составил кодекс законов, интересовался философией, религией и астрономией, пригласил к своему двору искусных ремес-

ленников и учредил награды за выдающиеся достижения. Нецауалькойотль, должно быть, был прекрасным дипломатом, так как сумел сохранить мир с более могущественными соседями.

При Ашайякатле (1469—1481) ацтеки совершили дальнейшие завоевания, и во время его правления Тлателолько потерял свою независимость. Теночтитлан и Тлателолько, два краеугольных камня ацтекской империи, выросли вместе, но коммерческая репутация Тлателолько, имевшего самый большой рынок, вызывала такую зависть теночтитланцев, что в 1473 году они, под предлогом оскорбительного поведения нескольких тлателольканских женщин, напали на город. Тлателолько был побежден, его правитель убит и заменен теночтитланским военным наместником, а городской совет лишился своего голоса в политическом союзе ацтеков.

Тисок, брат Ашайякатля, был слабым правителем. Он провел на троне всего шесть лет и умер, будучи, как говорят, отравленным военачальниками, которые желали заменить его более воинственным лидером. Таким человеком оказался Ауитсотль, правивший с 1486-го по 1502 год. Под его руководством армии Тройственного союза захватили еще больше территорий миштеков и уастеков и пробились к Тихоокеанскому побережью, где они утвердили ацтекское господ-

ство до сегодняшней границы с Гватемалой.

Последним из правителей перед испанским вторжением был Монтесума II, сын Ашайякатля. В последние годы империи он присоединил к ней земли вокруг границы страны миштеков. Но при нем же развалился Тройственный союз. Тлакопан уже давно перестал иметь большое значение, и союз представлял в основном партнерство Тескоко и Теночтитлана. Неизбежно возникло соперничество между двумя этими городами, но во время правления Нецауалькойотля и его преемника, Нецауальпилли, был установлен шаткий мир. Когда в 1516 году Нецауальпилли умер, теночтитланцы назначили своего кандидата на трон против желаний тескоканского совета. Тескоканцы подняли мятеж, и Тройственному союзу пришел конец.

И вот эта империя, все еще расширяющая свою территорию и находящаяся в самом зените своей славы, когда Кортес вступил на землю Мексики в 1519 году, была так неожиданно низвергнута.

Империя в 1519 году

Накануне испанского вторжения империя ацтеков протянулась от Атлантического до Тихоокеанского побережья, на севере ее границы достигали пустыни, где оседлая жизнь была невозможна, а на юге – холмов Оахаки. Кроме того, ацтеки контролировали торговый путь, идущий дальше на юг, вдоль Тихоокеанского побережья и заканчивающийся возле границы с Гватемалой в провинции Шоконочко – изолированной части империи. Империя включала в себя 38 провинций, 489 зависимых городов, около 15 миллионов человек, подавляющее большинство которых ацтеками не являлись.

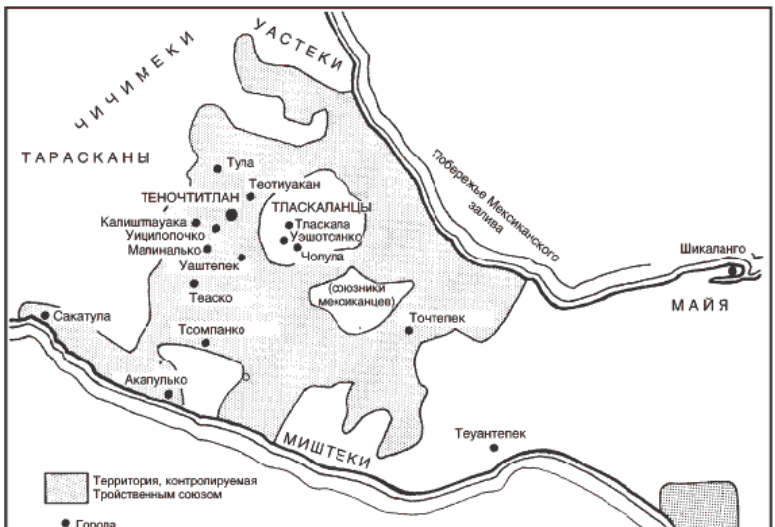

Рис. 3. **Мексика накануне испанского завоевания.**

Даже в Мексиканской долине ацтеки были только одним из нескольких народов. Различные группы, пришедшие сюда после гибели империи тольтеков, лучше всего называть племенами, и во время конкисты, когда ацтеки – или, вернее, Тройственный союз – правили всей долиной, старые племенные группы все

еще ощущали себя самостоятельными. Платящие подати народы или союзники вели аккуратные записи, касающиеся своих границ. Нецауалькойотль, правитель Тескоко, возвел стены и поставил вехи, обозначая границы его владений, а в его столице были отдельные кварталы для ацтеков и тепанеков.

Это этническое разделение частично компенсировалось культурной общностью, где язык науатль, на котором говорили все народы долины, за исключением *отоми,* был важнейшим фактором. Племена жили бок о бок в течение многих поколений и, пусть с некоторыми местными вариациями, все же имели общие экономические, религиозные и политические традиции, которые в значительной степени были унаследованы от тольтеков. Но даже в этом случае первой привязанностью человека было его собственное племя и зависимые люди не считали себя ацтеками.

За пределами долины ацтеки столкнулись с другими племенами, которые отличались между собой языком, одеждой, религией и образом жизни. Горные племена, обитавшие по периметру долины, имели культуру близкую к ацтекской и даже могли говорить на языке науатль, но чем дальше ацтеки удалялись от долины, тем существеннее становились различия. На юго-западе жили миштеки и *сапотеки,* у которых были свои собственные языки и более древние, чем у

ацтеков, культурные традиции. Засушливые районы были населены цивилизованными и утонченными *тотонаками,* северные соседи которых, *уастеки,* говорили на диалекте майя. Несмотря на то что науатль стал общепонятным языком, служащим для общения в империи, в пределах ее границ существовало еще более двадцати различных языков.

Ацтеки не собирались навязывать свою форму цивилизации покоренным народам. Хотя они и настаивали на том, что их бог, Уицилопочтли, должен почитаться наравне с местными божествами, они не делали попыток заставить подданных отвергнуть их собственную религию. Пока городам Тройственного союза подчинялись и платили дань, они были удовлетворены. Сборщики податей направлялись в провинциальные города, туда назначались ацтекские наместники, а в случае необходимости в районах с потенциально неблагополучной обстановкой размещались военные гарнизоны. В истории отмечено несколько случаев крупномасштабных перемещений народов, но, как правило, жизнь региона шла своим ходом. Ацтеки не вмешивались в язык и местные обычаи и не меняли политическую структуру. Строго говоря, «ацтекская империя» вовсе не была империей, как таковой. Основной единицей политической структуры являлся город-государство, и, хотя Теночтитлан был в

состоянии собирать подати со многих других городов силой оружия, ацтеки никогда не объединяли завоеванные ими территории в политически единую империю. Прежде всего страх, а не лояльность – вот что заставляло покоренные народы хранить верность Теночтитлану, это стало ясно во время испанского вторжения, когда многие из них поспешили связать свою судьбу с испанцами.

Некоторые народы сопротивлялись власти Тройственного союза и все еще сохраняли независимость, когда пришли испанцы. Вдоль северных границ империи жили кочевые чичимеки, стойкое и смелое племя охотников и лучников, которых ацтеки представляли себе народом «благородных дикарей».

Более значительным и цивилизованным народом, который так и не подчинился ацтекам, были *тарасканы.* Правитель ацтеков Ашайякатль пытался покорить их, но был разбит и попытку больше не повторял. И еще совсем рядом лежала Тласкала – государство, которое сражалось на стороне ацтеков в битве против Аскапотсалько, но вскоре стало злейшим врагом Теночтитлана. Из-за завоеваний Ашайякатля скоро Тласкала была полностью окружена ацтекской территорией. Два государства постоянно находились в состоянии войны, и, возможно, ацтеки намеренно удерживались от сокрушения Тласкалы, потому что со-

чли войну удобным источником пленников для жертвоприношений. Если так, то эта политика оказалась неверной, поскольку тласкаланцы объединились с испанцами, и их поддержка в немалой степени способствовала гибели Теночтитлана.

Глава 2
Люди

Физический облик

Ацтеки были приземистыми, коренастыми людьми. Рост мужчины редко превышал 168 сантиметров, женщины были сложены более изящно, средний рост их составлял порядка 142 сантиметра. Цвет кожи варьировался от темно– до светло-коричневого, типичное ацтекское лицо было широким, с крупным и часто крючковатым носом. Глаза были черными или карими, с миндалевидным разрезом и часто со складками у внешних уголков – еще одно указание на то, что в далеком прошлом предки ацтеков мигрировали в Новый Свет из Азии.

Волосы черные и прямые. Мужчины обычно носили челку, а сзади отращивали волосы до плеч. Но специфичные прически были у воинов и жрецов. Женщины отращивали волосы. Обычно они носили их распущенными, а в праздничные дни вплетали в них ленты. Более сложная прическа создавалась плетением двух кос, которые затем оборачивались вокруг голо-

вы, и их кончики торчали надо лбом, как маленькие рожки.

Волосяной покров на лице считался отталкивающим, но борода на лице индейца была явлением редким, поэтому бритье не было насущной необходимостью. Волосы на лице выдергивались щипчиками, а матери ацтекских юношей, заботясь о приятной внешности своих сыновей, прикладывали к их лицам смоченные в кипятке куски полотна, чтобы подавить волосяные фолликулы и тем самым сдержать рост бороды или усов. Только старые или знатные люди могли позволить себе игнорировать моду и носили редкие бороды.

Как мужчины, так и женщины обладали большой выносливостью. С самого детства простых людей приучали к тяжелому физическому труду. Женщины привыкали преодолевать большие расстояния, следуя за мужчинами и неся свою часть имущества, а также новорожденных детей.

Знатные люди гордились своими манерами и всегда старались двигаться изящно, сопровождать свой разговор величественными жестами и принимать выражение лица, соответствующее ситуации.

Из описания, которое нам оставил испанец в XVI веке, анонимный соратник Кортеса: «Люди здесь смуглые, они крепки, выносливы и хорошо сложены:

скорее высокие, чем приземистые. Обладают хорошими манерами и приятными жестами, в большинстве своем очень умудренны, но в то же время весьма скромны. Этот воинственный народ встречает смерть с величайшей решимостью».

Чистоплотность

Андрес де Тапиа рассказывает (с некоторым изумлением), что Монтесума омывал тело дважды в день. Но это пристрастие к чистоплотности было свойственно всем ацтекам, все они старались как можно чаще купаться в реках и озерах. Настоящего мыла у них не было, но доступным заменителем стали плоды мыльного дерева и корни некоторых растений, дающие мыльную пену.

Кроме этих холодных ванн, повсюду были «парные», или «сауны». Почти каждый обитатель долины имел свою баню – небольшое полусферическое сооружение, напоминающее по форме иглу с низенькой дверцей. Рядом сооружали очаг, и пламя нагревало стену бани, пока она не накалялась докрасна. Тогда моющийся залезал в баню и принимался поливать водой раскаленную стену, пока баня не наполнялась клубами пара. Чтобы усилить потоотделение и получить полное удовлетворение от процедуры, моющий-

ся хлестал себя веточками или пучком травы. Для мытья использовалось «мыло», а сам процесс мог завершаться массажем, за которым следовал период расслабления, в течение которого следовало растянуться на циновке. Подобные парильни использовали и мужчины и женщины, не только для ритуальных обрядов очищения и лечения определенных болезней, но и как обычную часть гигиены.

Косметика

Кожа ацтеков была коричневой или бронзовой, но модным оттенком для женщин считался желтоватый цвет лица. Чтобы достичь этого эффекта, щеки натирались желтой глиной или смазывались кремом, содержащим воскообразное желтоватое вещество, которое получали, подвергая тепловой обработке, а затем измельчая тельца некоторых насекомых. Путешественники также пользовались этой мазью в качестве бальзама, чтобы предотвратить растрескивание губ в морозную погоду и защитить кожу от холода.

Саагун оставил описание макияжа, который делали модницы, в особенности куртизанки, бывшие подругами молодых воинов:

«Лица их были покрыты сухой цветной пудрой; лица были раскрашены желтой охрой. Ноги намазаны

мазью из жженой смолы и краски… Некоторые коротко стригли свои волосы, так что они едва доходили до носа. Волосы были окрашены черной грязью – так они придавали красоту своим прическам. Волосы женщины окрашивали индиго, а зубы кошенилью. Руки и шея покрывались узорами».

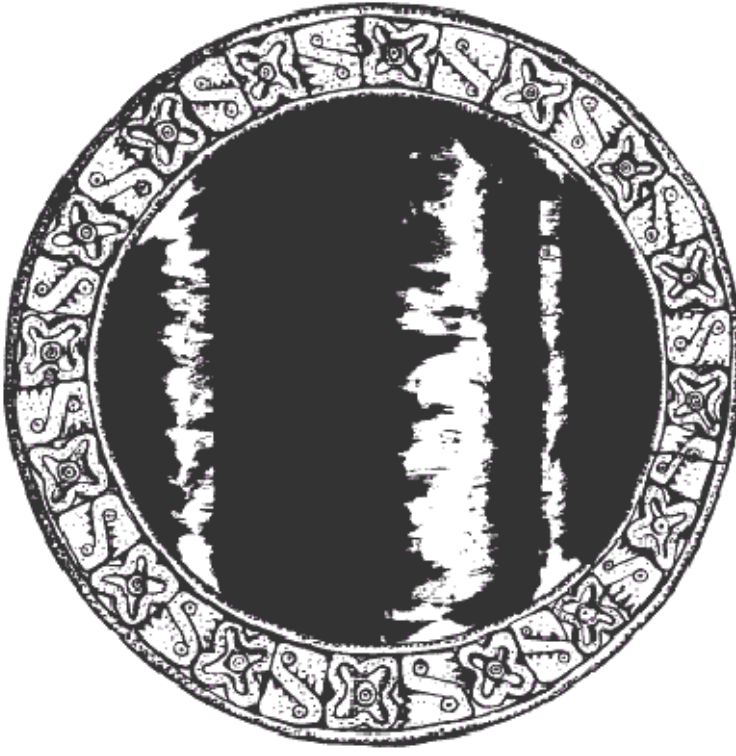

Рис. 4. **Обсидиановое зеркало в деревянной раме. Диаметр 26 см.**

Популярностью пользовались благовония и розовая вода, а также нечто вроде жевательной резинки (из растительной камеди) – она использовалась для освежения дыхания. Как водится, внешний вид и манеры молодежи не всегда находили одобрение у старшего поколения. Вот наставление отца своей дочери, которое звучит весьма узнаваемо: «Никогда не раскрашивай лица своего. Никогда не крась красной краской губы, чтобы выглядеть красивее. Краской пользуются только женщины распутные – бесстыдные создания. Если хочешь, чтобы твой муж любил тебя, одевайся прилично, содержи тело свое и одежду свою в чистоте».

Мужчины раскрашивали лица и тела для ритуальных церемоний, но неизвестно, следовали ли ацтеки примеру своих соседей – отоми, которые покрывали свои руки и грудь вытатуированными рисунками. Сагун, впрочем, пишет, что пятый месяц года был временем, когда на груди детей делались надрезы – знак гражданства или племенной принадлежности.

Зеркала изготавливались из осколков железного колчедана или из обсидиана, черного вулканическо-

го стекла, которому придавали форму дисков до 30 сантиметров в диаметре и полировали. Иногда зеркала снабжались деревянными рамами или петлями из шнуров, так что их можно было повесить на стену.

Одежда

Основу мужского одеяния как для сна, так и для повседневного ношения составляла набедренная повязка – кусок материи, который оборачивался вокруг талии, пропускался между ногами и завязывался так, чтобы один конец свисал спереди, а другой – сзади. Качество ткани, из которой делалась набедренная повязка, зависело от благосостояния и статуса ее владельца. Простолюдины носили невзрачную ткань из волокон агавы, в то время как у знатных людей были украшенные яркими узорами повязки из хлопка. Иногда концы повязки оторачивали мехом, украшали перьями, дисками из драгоценных камней. Мальчикам надевали набедренные повязки начиная с четырех лет.

Бедняки не носили ничего, кроме набедренных повязок. Но все, кто мог себе позволить, надевали прямоугольную накидку, которую оборачивали вокруг тела под левой рукой и завязывали над правым плечом, так как пуговиц и булавок тогда еще не было. Когда мужчина садился, он переворачивал свою накидку так, что почти вся ткань свисала спереди и прикрывала его тело и ноги. Не очень состоятельные ацтеки носили простые белые накидки. Придворные

и знать одевались в накидки с геометрическим рисунком или в полоску, окрашенные в яркие цвета и украшенные изображениями животных и цветов. Богатые люди подчеркивали свое благосостояние, надевая несколько накидок одновременно, одну поверх другой. Гардероб Монтесумы поражал воображение разнообразием, у него были оранжевая накидка с каймой из перьев, «темно-зеленая накидка, разделенная по диагонали, в середине которой – обсидиановый орел», пунцовая накидка с каймой с изображениями глаз, накидка из белоснежных утиных перьев, украшенная рисунком из волчьих голов, накидка из меха койота со спиральной каймой и много других, изготовленных из самых роскошных материалов и украшенных изображениями ракушек, цветов, бабочек, а также голов змей и других животных. В плохую погоду император надевал особую большую накидку, защищавшую от дождя.

Жрецы и воины иногда носили короткую тунику, доходившую до середины бедер или до коленей, а на одном барельефе император Тисок изображен в символической батальной сцене одетым в треугольный передник до бедер. Это одеяние могло быть частью императорской военной формы, поскольку Саагун сообщает, что Монтесума надевал похожий передник, сделанный из перьев кетсаля, когда готовился к битве.

Главной одеждой женщины была юбка, доходившая почти до лодыжек и придерживавшаяся на талии вышитым поясом. Повседневная юбка представляла собой кусок простого белого полотна, но для праздников и танцев женщины надевали свои лучшие юбки, украшенные изображениями тростника, георгинов и чертополоха или дыма, домов, животных и рыб.

Рис. 5. **В хижине крестьянской семьи. Женщина, стоящая на коленях справа, толчет маис, в то время как женщина слева готовит тортильи, которые пекутся на глиняном диске над очагом. Третья женщина держит метлу, сделанную из связки**

прутьев.

Кроме юбки, женщины из знатных семей носили что-то вроде блузы, сделанной из куска материи, сложенной вдвое и сшитой по бокам, оставляя проймы открытыми. Блуза доходила до бедер и обычно украшалась у шеи и по нижнему краю. Праздничные одежды были ярче и изысканней, их изготавливали из меха или хлопка.

Простолюдины ходили босыми, но воины и богатые горожане носили сандалии с подошвами из кожи или растительного волокна. Сандалии держались на ногах благодаря ремешкам, которые проходили между большим и вторым пальцами, однако некоторые виды сандалий имели задники и сложную систему ремешков, оборачивавшихся вокруг ноги крест-накрест от лодыжки до колена.

Ацтеки любили щеголять своим богатством и не упускали случая продемонстрировать свои драгоценности и такие аксессуары, как веера, опахала, которыми отгоняли мух, и головные уборы из зеленых и красных перьев. Из редких камней делали бусы, из золота отливали ожерелья в виде крабов, скорпионов, птиц или морских раковин, которые снабжались колокольчиками, звеневшими всякий раз, когда его обладатель двигался. Те же материалы использовались для под-

весок и нагрудных украшений, а руки и ноги богатых молодых людей были украшены кожаными или золотыми повязками с нефритовой и бирюзовой мозаикой. Не столь состоятельные люди носили похожие узоры, но заменяли драгоценные материалы, используемые аристократией, на раковины или менее ценные камни.

Мальчикам еще в детстве прокалывали уши и вставляли крошечные украшения, которые заменялись большими по мере взросления. Мочки постепенно оттягивались, и зрелые мужчины носили уже довольно массивные серьги. Каждая серьга имела короткий цилиндрический стержень, который продевался сквозь ухо и крепился к дискам по обе стороны от мочки. Сквозь проколотую носовую перегородку продевались золотые палочки, а крылья ноздрей прокалывались для ношения колец. Нижняя губа также прокалывалась, чтобы вставить в нее губную серьгу или другое украшение.

Ацтеки придавали большое значение положению в обществе. Богатство или важный пост подчеркивались ношением определенных одежд и знаков отличия. Так, императорским цветом считался бирюзовый – эквивалент римского пурпурного, и только правителю позволено было носить одежду такого цвета или носить в носу украшения из бирюзы. Императорская

корона также была инкрустирована бирюзой. Повелитель носил кожаную головную повязку, с которой свисала пара кисточек, в то время как административный персонал в качестве знака своего положения носил диадему, сделанную из золота и украшенную жадеитом или бирюзой. Всякий, кто осмеливался узурпировать честь, которая ему не принадлежала, наказывался смертью.

Важность костюма как показателя статуса лучше всего можно продемонстрировать на примере карьеры юного воина. В детстве мальчику обривали голову, но в возрасте от десяти до пятнадцати лет он носил один пучок волос на затылке. Юноше не позволялось удалять этот пучок до тех пор, пока он не возьмет в битве хотя бы одного пленного. Затем, если он самостоятельно привел пленного, он удостаивался титула «храбрый юноша» или «захватывающий в плен» и представал перед правителем, чтобы получить дары в качестве знака благосклонности владыки. Теперь ему позволялось носить другую прическу – один локон над правым ухом – и ходить в украшенной узорами одежде. Когда на его счету было четверо пленных, ему разрешалось обрезать волосы в стиле старых воинов и он допускался в группу избранных, обладавших своими титулами и привилегиями. Он становился одним из великих вождей и наделялся правом носить

удлиненные губные серьги, кожаные ушные украшения и головные повязки, украшенные кисточками из орлиных перьев. Каждый следующий успех приносил с собой новые почести с соответствующими статусу символами.

На ежегодный танец воинов, который проходил в восьмой месяц года, юноши надевали свои лучшие одежды, и каждый носил знак своего звания. Вожди несли штандарты в форме деревьев, сделанные из орлиных перьев, связанных мехом оцелота и алым шнуром, а воины, захватившие пленных, несли на своих плечах фигурки в виде птиц. Вожди носили ротовые украшения в форме растений и животных, а шеи их охватывали кожаные ожерелья, украшенные морскими раковинами, ярко сиявшими на фоне бронзовой кожи воинов. По контрасту, новобранцы и те, кому пока не удалось захватить ни одного пленного, довольствовались обычными ракушками и простыми дискообразными губными серьгами.

Этот акцент на показную демонстрацию делал достижения каждого человека очевидными для всех. С другой стороны, это также публично показывало его недостатки. Воину, который успел принять участие в трех или четырех битвах и не взял ни одного пленного, не разрешалось состригать свою косичку, и он принужден был мириться с насмешками своих това-

рищей, которые кричали ему вслед «Большой пучок волос на затылке!» и другие обидные колкости. Ацтекская система, прославлявшая успех, была жестока к неудачникам.

Национальный характер ацтеков

Алонсо Сорита писал об ацтеках: «Люди эти по природе своей долготерпеливы, и ничто не может взволновать их или вызвать их гнев. Они очень послушны и сметливы… Чем знатнее люди, тем большую скромность они выказывают». Это описание, казалось бы, противоречит образу ацтеков, проливающих реки крови на алтарях или на поле брани. Несоответствие это, однако, скорее умозрительное. Ацтеки и вправду демонстрировали то, что Парри назвал «очень высокой степенью социальной покорности – добровольным растворением индивидуума в личности племени», но это не мешало им проявлять индивидуализм, жестокость и экстремизм.

В таком военном государстве, каким был Теночтитлан, физическая смелость считалась само собой разумеющейся и гибель в битве была чем-то, к чему следовало стремиться. Вот как сказал об этом ацтекский поэт:

Ничто не сравнится со смертью на поле брани, нет ничего лучше этой благоухающей гибели, столь драгоценной для Того, Кто дарит жизнь, И вижу я: мое сердце жаждет этого!

Военные успехи были для ацтеков больше чем

национальная гордость, и надменность ацтеков, занимавших высокие государственные посты, а также сборщиков податей пользовалась дурной славой. Структура и ценности общества были направлены на то, чтобы подстегнуть соперничество, и ацтеки явно не страдали отсутствием честолюбия и самоуважения, а также сластолюбия – суровые наказания за прелюбодеяние и пьянство, считавшиеся крайне серьезными преступлениями, позволяют предположить, что два этих порока можно было обуздать только с помощью репрессивных мер.

Ацтеки, получившие хорошее образование, должны были воспитывать в себе сдержанность и вести себя с достоинством. Саагун оставил нам словесный портрет безупречного вельможи, личности, обладавшей серьезностью и скромностью, человека, который «бежал от похвал», «пекся о своих ближних», был скромен и благочестив, красноречив и рассудителен в разговоре, мудр, вежлив, «следовал примеру родителей» и был примером для всех остальных. Портрет этот, конечно, идеализирован, и к столь высокому стандарту поведения скорее стремились, чем достигали его.

Тот же акцент на сдержанности, ответственности и самообладании мы находим в *«Наставлениях старших»,* литературных произведениях, написанных в

высокопарном и многословном стиле и предназначенных для обучения молодых людей приличному поведению и манерам. Вот что один ацтекский отец говорит своему сыну:

«Чти старших; утешай бедных и немощных добрыми словами и деяниями… Не следуй примеру безумцев, не чтящих ни отца, ни мать, ибо они подобны животным, ибо они никогда не слушают ничьих советов… Не насмехайся над старыми, больными, покалеченными или грешниками. Не оскорбляй их и не питай к ним отвращения, но склонись перед Богом и моли его, чтобы та же судьба не постигла и тебя… Не подавай дурной пример, не говори не подумав, не перебивай других. Если кто-то косноязычен и говорит неразборчиво, следи, чтобы не последовать его примеру. Если разговор тебя не касается, молчи. Если тебя спросят, отвечай сдержанно, избегай притворства, лести и предубеждения, и к речи твоей отнесутся с уважением… Куда бы ты ни пошел, иди спокойно, не строй гримас и не позволяй себе неприличных жестов» (Сорита).

Остальной текст написан в таком же духе, а в конце, по обыкновению, приводится фраза, которую любой молодой человек когда-либо слышал: «Сын, если ты не прислушаешься к советам отца, ты плохо кончишь и вина в этом будет только твоя».

Ацтеки любили произносить речи и давать советы, часто весьма пространные.

Многие ацтекские песни и поэмы проникнуты философским духом, который позволяет нам глубже проникнуть в национальный характер. Один из традиционных поэтических мотивов – преходящность жизни и невозможность найти на земле что-то устойчивое, постоянное:

Это неправда, это неправда,
что мы приходим на эту землю, чтобы жить.
Мы приходим, только чтобы грезить.
Наше тело подобно цветку.
Как трава зеленеет весной,
Так наши сердца раскроются и выпустят бутоны,
которые никогда не увянут.

Поэтический поиск истины часто заканчивается сомнениями:

Кто может правдиво сказать,
есть ли правда или нет ее?

Даже духовное прибежище в эпикурействе, наслаждении жизнью, пока она длится, также нередко проникнуто меланхолией:

На этой земле мы лишь прохожие.

Давайте же проведем жизнь в мире и радости;
Давайте наслаждаться…
Так, словно нам суждено жить вечно;
Так, словно нам не придет время умирать!
Ах, если бы мы могли жить вечно,
Ах, если бы нам не приходилось умирать!

Тот же фатализм мы наблюдаем в отношении к богам. Любовь к пышным церемониям наполняла жизнь ацтеков и достигала своего апогея в религиозных ритуалах.

Обобщения в отношении национального характера всегда опасны и вероятнее всего могут ввести в заблуждение, но типичный ацтек (который, должно быть, представляет собой такую же редкость, как типичный англичанин), судя по всему, был примерным гражданином – скорее консервативным, приверженным традициям. Он был честен и трудолюбив. Его агрессивные инстинкты сдерживались хорошими манерами и самообладанием. Он был церемонен в общении с другими, чувствителен к красоте и символизму, лежащим в основе национальной философии и религии. Склонен к высокопарности, и порой ему изменяло чувство юмора. Он гордился своим положением в обществе. Был суеверен и фаталистичен.

Еда и питье

Крупный рогатый скот завели в Америке европейские завоеватели. Для простой семьи ацтеков мясо было роскошью. Основу рациона составляла растительная пища, которой так богата Мексика.

Приготовление маиса являлось ежедневной заботой домохозяйки, и даже теперь в сельских районах Мексики у женщин это отнимает до шести часов в день. Зерна погружались на ночь в известь, чтобы облегчить очистку от шелухи, затем их отваривали и чистили, наконец, мололи между рифленой каменной скалкой и *метате* (каменной плитой на трех маленьких ножках). Из маисовой муки обычно делали *тортилъи,* тонкие круглые пресные лепешки, испеченные на плоских глиняных сковородах около 30 сантиметров в диаметре. Тортильи быстро черствели и через несколько часов уже становились несъедобными, поэтому к каждому приему пищи пекли свежие лепешки. Дневной рацион трехлетнего ребенка состоял из половины тортильи, пятилетний уже съедал целую, а к тринадцати годам – две лепешки в день.

Из маиса также делали что-то вроде каши – *атоле,* – которую приправляли перцем или подслащивали медом или сиропом из живицы агавы. Другим лю-

бимым блюдом были *тамале* – конвертики из толченого маиса, начиненные пикантными овощами или мясом. Саагун насчитывает более сорока различных форм и начинок тамале, и некоторые из приведенных им рецептов весьма экзотичны. Тамале начинялись грибами, фруктами, рыбой, кроличьим мясом, бобами, индюшачьими яйцами, зеленым и красным перцем – все это довольно аппетитно, но желудок европейца приходит в ужас при мысли о других начинках: пчелином воске, лягушках, улитках, головастиках или аксолотлях (личинках саламандр, которые выглядят как тритоны).

Город Теночтитлан располагался у озера, а со времени своего пребывания в болотах, когда нужда заставляла их есть все, что попадалось под руку, ацтеки научились употреблять в пищу любую разновидность водяных тварей. Рыба была важным источником протеина. Добывали также креветок и личинки водяных насекомых. Подобная пища была уделом бедняков и запасом на голодные годы, но некоторые из этих продуктов считались деликатесами. Аксолотли с желтым перцем были блюдом, приличествующим столу правителя.

Личинки насекомых собирали и с мясистых листьев агавы, а в определенное время года употребляли в пищу муравьев, буквально распухших от поглощенно-

го ими меда.

Фермеры выращивали фрукты, помидоры, амарант, шалфей, авокадо, несколько разновидностей бобов. Кроме того, ацтеки собирали грибы, дикорастущие фрукты и овощи.

Озеро изобиловало дичью, а в случае удачи на суше охотник мог принести домой оленя или пекари, хотя чаще всего его добычей становились кролики, зайцы, суслики или голуби. Ацтеки презирали отоми из горных районов, которые употребляли в пищу «нечистых» тварей – таких, как ящерицы, крысы и змеи.

Единственным домашним источником мяса были индюшки и съедобные собаки. Они были без шерсти – порода сейчас вымершая. Их насильственно откармливали. Они были не в состоянии лаять, и испанский хронист, отец Клавигеро, описывает их как животных «с грустными глазами, не смеющих лаять, даже когда их бьют». Однако для крестьян и ремесленников и мясо птицы или собаки было роскошью, которая позволялась по особым случаям.

Обычно семья вставала на рассвете и работала до десяти часов утра – наступало время для первого приема пищи, которая для бедняков представляла собой лишь тарелку маисовой каши. Мужчина, работавший далеко от дома, обходился приготовленной женой холодной едой. Для тех, кто работал возле дома,

основной прием пищи наступал в самое жаркое время дня. Для «неработающих классов» за ним, как правило, следовала сиеста.

У простолюдинов даже основной прием пищи мог состоять всего лишь из тортильяс или маисовых лепешек с бобами, да еще острого соуса из помидоров и красного перца – ацтеки, как и их сегодняшние потомки, любили острую пищу. Эта полуденная трапеза была последней, за исключением чашки жидкой кашицы из семян амаранта или маиса, которую ели перед сном. В доме крестьянина или ремесленника прием пищи – всего лишь короткая пауза в дневной рутине. Члены семьи усаживались возле очага (у них не было столов) и быстро ели, используя в качестве ложек свернутые тортильи. Если были гости, женщины сначала кормили всех мужчин и только после этого садились есть сами.

Безымянный конкистадор заметил, что «пища этих людей чрезвычайно скудна, так мало не ест, наверное, никто в мире», но знатные люди, богатые торговцы и наиболее обеспеченные ремесленники питались совершенно по-другому. Их еда намного разнообразнее, и ночь для них – время праздников и вечеринок. Такие люди могли позволить себе ананасы и шоколад, которые закупались в засушливой области Вера-Крус; устриц и крабов, черепах и морскую рыбу,

которые привозились с побережья.

Берналь Диас оставил непосредственное описание трапезы во дворце Монтесумы.

Правитель восседал за ширмой у стола, покрытого превосходной белоснежной скатертью. Прежде чем пища была подана, четыре опрятные и красивые девушки принесли ему воду для омовения рук, в то время как другие подавали маисовые лепешки. «Для каждого приема пищи его повара готовили более тридцати различных кушаний, приготовленных по их обычаю, а под блюда они клали глиняные жаровни, чтобы пища не остыла. Они готовили более трехсот блюд для одного только Монтесумы и еще более тысячи для стражи». Несмотря на это грандиозное меню, сам Монтесума, по-видимому, был воздержан в пище, так как автор далее сообщает, что правитель отведал лишь немного фруктов, предложенных ему на десерт, и был также умерен в отношении шоколада, который последовал за основными блюдами.

Мы можем составить себе некоторое представление о том, что представляли собой тридцать императорских кушаний, из рукописей Саагуна. Среди мексиканских деликатесов, которые он перечисляет, были саранча с шалфеем, рыба с красным стручковым перцем и томатом, опунция с рыбьей икрой, лягушки с зеленым перцем, оленина с красным перцем, помидоры

и молотые семечки, а также тушеная утка. Тыквенные семечки, обжаренные и подсоленные, как привычный нам арахис, шли в качестве легкой закуски.

Обычный напиток бедняков – вода, но состоятельные люди могли себе позволить пить шоколад, который высоко ценился (само название – англизированный вариант мексиканского слова «чоколатль»). Какао-бобы толкли, затем варили в воде с добавлением небольшого количества маисовой муки. Масляную пленку удаляли, смесь переливали в сосуд и взбивали в крепкую пену, которая постепенно таяла во рту. Обычно шоколад подавали холодным, часто его приправляли медом, ванилью или различными специями.

Алкогольный напиток *октли* приготовлялся из забродившего сока агавы. Ацтекские законы были в особенности суровы к пьяницам, но некоторые послабления допускались в отношении стариков и женщин – на том основании, что «их кровь стынет», – и им позволялось октли, даже напиваться пьяными по определенным праздникам. На свадьбах и празднествах проводилась большая раздача, и всем, кто был старше тридцати, разрешалось пить. Узаконенная норма составляла два кубка на человека, однако не возникает сомнения, что это правило часто нарушалось. Разрешалось время от времени выпивать носильщикам и людям, занятым другим тяжелым физическим тру-

дом, а женщинам давали октли в качестве тонизирующего напитка сразу после родов.

Более опасный вид интоксикации вызывался наркотиками – такими, как *пейотлъ* (из кактуса, растущего в пустынях на севере Мексики) и горький черный гриб *теонанакатлъ,* «священный гриб», или «плоть богов», который иногда подавали с медом на празднествах. Пейотль, источник наркотика мескалин, обострял зрительное восприятие и вызывал цветные галлюцинации, а теонанакатлъ приводил к проявлению в мягкой форме симптомов помешательства с разного рода иллюзиями. Люди, съедавшие гриб, порой видели пугающие их вещи, например змей. Некоторым казалось, что их тела полны червей, которые их заживо поедают. Другие истерически хохотали, третьи прятались от чего-то, а некоторые даже вешались или бросались со скал. Семена вьюнка (известного в Англии как вьюнок пурпурный, или ипомея, который мексиканцы называли *ололиукуи,* или «священное растение») также вызывали галлюцинации, они применялись и как лечебное средство.

Менее опасным был табак, родина которого, как известно, Новый Свет. Богатые ацтеки курили по окончании трапезы. Табак смешивали с размолотым в порошок углем, цветами и другими ароматическими растениями. Смесь набивалась в трубки, сделанные из

тростника или из более дорогих материалов – например, черепахового панциря, украшенного серебром, или раскрашенного и позолоченного дерева. Ацтеки зажимали ноздри пальцами и вдыхали дым. Диас рассказывает, как Монтесума, завершив свою вечернюю трапезу, пил свой шоколад, наблюдая за представлением, которое разыгрывали карлики и танцоры, а затем курил, прежде чем отправиться спать.

Игры и развлечения

Самым важным спортом в Мексике была игра в мяч, которой ацтеки, видевшие волю богов буквально во всем, придали религиозное значение. Для игры использовался корт в форме буквы «I» с увеличенными поперечинами. Центральная секция составляла в длину около 60 метров, в ширину – до 9 и была окружена стенами свыше 4 метров, сложенными из камня и оштукатуренными. Из центра каждой боковой стены выступало под прямыми углами над главной частью корта на высоте около 3 метров над землей каменное кольцо – с отверстием, достаточно большим, чтобы в него проходил каучуковый мяч диаметром 15 сантиметров. Корт, по описанию в Кодексе Мендосы, делился на четыре части, окрашенные в разные цвета.

Более привычно для нас разделение корта для этой игры на две половины – линией, проведенной от одного кольца до другого. Игроки должны были перекидывать мяч через эту линию, очки давались каждый раз, когда команде удавалось направить мяч в поперечную секцию половины противника. Для ударов по мячу разрешалось использовать только колени и локти, а так как мяч делался из твердого каучука, от его попаданий защищались кожаными поясами, набиты-

ми хлопком. На руки и колени надевали что-то вроде щитков, так как часто вынуждены были бросаться на землю навстречу мячу. Несмотря на все эти предосторожности, игроки нередко умирали от изнеможения или получали такие сильные ушибы, что доктора вынуждены были пускать им кровь.

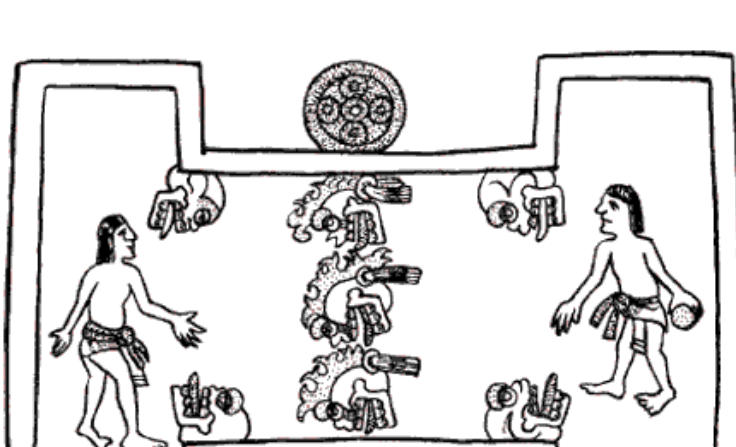

Рис. 6. **Игра в мяч. Кольца, здесь показанные за пределами площадки, на самом деле выступают внутрь под прямым углом к стенам (Кодекс Мальябеккьяно).**

Если игроку удавалось забросить мяч в одно из колец, его команде присуждалась победа. В качестве награды победители имели право отнять одежду и прочее имущество зрителей. Это было сделать не так-то легко, поскольку зрители старались поспешно пробраться к выходу, в то время как игроки и их болельщики пытались схватить как можно больше жертв.

Хотя игрой в мяч забавлялась только знать и профессионалы, приглашенные правителем и его придворными, зрители очень напоминали сегодняшних фанатов на футбольных матчах или скачках. Люди приходили посмотреть на игру, сделать ставки и забыть на время о своих проблемах. Мудрый правитель, «когда он смотрел и видел, что народ и приближенные его начинали скучать, велел, чтобы игра в мяч велась так, чтобы развлечь и увеселить людей» (Саагун).

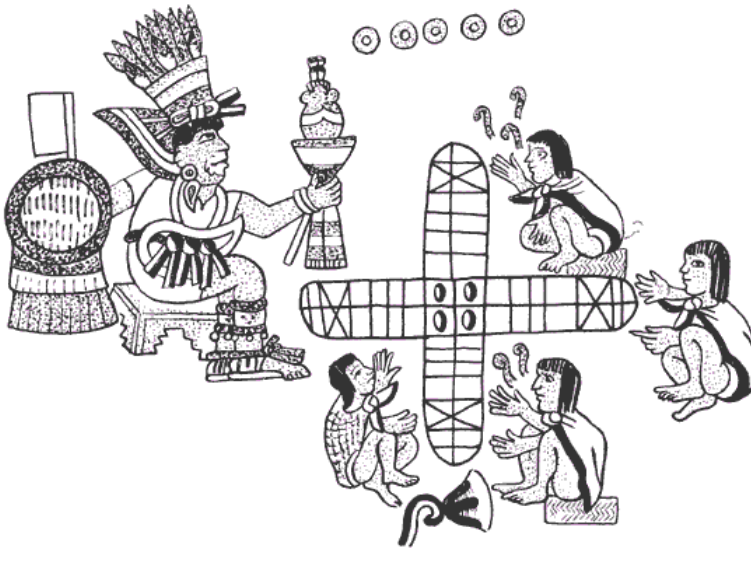

***Рис.* 7. Игра в *патолли.* Игроки возносят молитвы богу Пяти Цветов, наблюдающему за игрой (Кодекс Мальябеккьяно).**

На символическом уровне игровая площадка представляла Вселенную, мяч выступал в роли Солнца, Луны или одной из планет. Сама игра посвящалась богам и была частью религиозных церемоний. Площадки обычно строились рядом с наиболее важными храмами. В Теночтитлане в храмовом комплексе располагались две игровые площадки, посвященные

Солнцу и Луне.

Игра также использовалась в качестве испытания прорицаний. Так, Тескоко поставил в заклад свое царство против трех индюков в матче с Монтесумой, чтобы определить, говорили ли тескоканские астрологи правду, когда предсказали, что вскоре Мексикой будут править чужаки. В двух первых играх победу одержал Монтесума, но Нецауальпилли выиграл следующие три и вышел победителем. Ацтекский правитель, как нетрудно предположить, покинул площадку весьма озабоченным, и прошло не так уж много времени до того дня, когда предсказание сбылось.

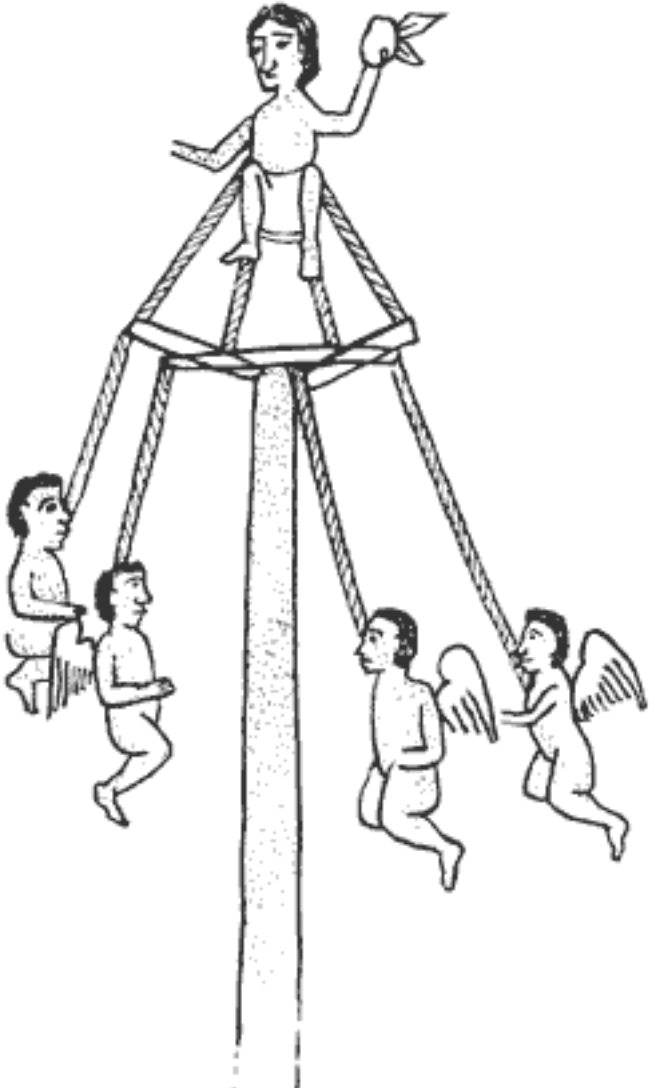

Рис. 8. **Ацтекский ритуал «воладор» («летун»). Из манускрипта раннего испанского периода.**

Еще одним любимым времяпрепровождением была *патолли,* игра, напоминающая триктрак. В нее играли на циновке с узором, похожим на крест святого Андрея, разделенный на сектора, или «дома», некоторые из них имели особую разметку, призванную обозначить либо безопасную зону, либо зоны, за попадание в которые давались штрафные очки. Вместо кубиков-костей ацтеки использовали четыре или пять черных бобов с номерами, обозначенными отверстиями. Двенадцать фишек (шесть красных и шесть синих) делились между игроками, которые делали ходы в соответствии с выпавшим числом. Выброшенное количество очков, от 5 до 10, удваивалось, тем самым создавались условия для «пленения» противника.

Патолли, как и игра в мяч, имела религиозное значение и символизировала 35-летний цикл, но главная ее привлекательность для отчаянных игроков заключалась в ставках – они не колеблясь ставили на кон драгоценности, одежду, рабов и дома. Они разговаривали с бобами, терли их в ладонях на удачу и воскуряли благовония Макуильшочитлю (Пять Цветов) – богу, покровительствовавшему азартным играм. Некото-

рые настолько пристрастились к игре, что повсюду носили с собой набор для патолли. Многих эта страсть сгубила.

Еще одним развлечением, окутанным религиозным символизмом, был *воладор.* В землю врывался высокий столб с подвижной платформой наверху, и четверо мужчин, выряженных птицами, привязывали себя длинными веревками к углам платформы. По сигналу они спрыгивали, веревки, разматываясь, заставляли платформу крутиться, и четыре «птицы» принимались «летать» вокруг столба. Длина веревок была подобрана так, чтобы каждый игрок делал 13 оборотов, прежде чем достичь земли, таким образом всего было 52 оборота, что символизировало Календарный Год (см. главу 8).

Музыка и танцы

Ацтекский оркестр состоял всего из нескольких инструментов, способных выводить мелодию, но имел серьезные ударные инструменты. Таким образом, музыка скорее тяготела к ритмичности, чем к мелодичности, большую роль играли барабаны и трещотки.

Главную партию исполнял *уэуэтлъ,* вертикальный барабан, сделанный из полой колоды высотой порядка метра и 30 сантиметров в диаметре. Верхняя часть барабана была покрыта шкурой или змеиной кожей. На боках вырезаны барельефы. Эти вертикальные барабаны можно было настраивать – тон повышался путем нагревания инструмента возле жаровни. Обычно в уэуэтль били руками. Диас отмечал, что барабаны в храмах издавали «печальный звук», который был слышен за 6 миль.

Меньшие по размеру уэуэтли вешались на шею или зажимались под мышкой.

Более высокие звуки издавал *тепонастли* – деревянный гонг в форме горизонтального цилиндра. В него били палочками с каучуковыми наконечниками. Ацтекские гонги часто делались в форме животных или человека, а в стране миштеков их украшали резными мифологическими или религиозными сценками.

Другой тип барабана – трещоточный, шумовой – изготавливался из панциря морской или пресноводной черепахи. Были и трещотки причудливых форм из глины или дерева. К ударным инструментам также относились высушенные тыквы, наполненные семенами или галькой, при тряске они издавали шелестящий звук. Самый большой инструмент из рода трещоток был увешан колокольчиками и деревянными дисками, которые бились друг о друга, когда одним концом инструмент ударялся о землю. Еще один ритмический инструмент – «терка» из зазубренной кости, по которой водили палочкой или краем раковины. Да еще танцоры, чтобы усилить ритмический эффект, прикрепляли к одежде медные колокольчики и брали связки бренчащих предметов – раковин, косточек, высушенных орехов.

Струнные инструменты были ацтекам неизвестны, и мелодическую линию вели флейты. Их делали из глины (реже из бамбука или кости), они были 6—8 дюймов длиной и могли издавать только определенное количество нот. Обычно нот было пять, что позволяет предположить, что ацтеки использовали октаву из пяти нот, но они также использовали сдвоенные и строенные флейты, имевшие в целом до шестнадцати клапанов.

Рис. 9. **Вертикальный деревянный барабан с резным рельефом, из Толуки.**

Трубы из раковин, чьи печальные звуки могли варьироваться при изменении потока воздуха, использовались для подачи сигнала к началу празднеств, чтобы освободить путь для процессий и чтобы разбудить город ранним утром. Глиняные свистульки в виде фигурок животных и человека могли быть детскими игрушками, но подобные инструменты (часто с несколькими клапанами) использовались и в битвах, чтобы подавать сигналы и привести противника в замешательство.

Одним из самых важных инструментов был, разумеется, человеческий голос. В культуре ацтеков пение, инструментальная музыка и танцы так тесно связаны друг с другом, что невозможно говорить об одном, не упоминая другое. Оркестровые «исполнения», в которых музыканты играли слушателям, были редки, и, как видим, ацтекский оркестр по своей структуре малопригоден для такой цели. Сильная ритмическая секция, однако, была идеальна для отбивания ритма для танцоров и для аккомпанирования хорам или певцам, а именно эти музыкальные действа играли большую роль в жизни мексиканцев.

Пение, танцы и театральные представления – любимые развлечения ацтеков, и во всех богатых семьях обязательно были свои труппы профессионалов. Гостей развлекали песнями, танцами, пантомимой, декламированием стихов, а также пьесами, в которых актеры надевали специальные костюмы, чтобы играть свои роли. Различные племена или регионы империи имели свой репертуар и свой стиль пения, и, когда артисты исполняли песни или пьесы другой провинции, они одевались в соответствующие костюмы и копировали манеру тех, кого изображали. Серьезные представления чередовались с комическими номерами, исполняемыми клоунами, карликами, горбунами, жонглерами, танцорами на ходулях и акробатами, которые танцевали вместе с артистами, балансирующими на их плечах.

Музыкальные стандарты во дворце Монтесумы, должно быть, были высоки, поскольку данное Саагуном описание празднества завершается такими словами:

«И если артисты делали что-то неверно – оказался ли тепонастли не настроен, или тот, кто исполнял песню, фальшивил, или танцор плохо танцевал, – правитель повелевал бросить в тюрьму всякого, кто совершал ошибку. Его заключали в тюрьму, и он умирал там».

Музыка была неотъемлемой частью образования знати и жрецов. Понятно, что у себя дома люди пели и танцевали для собственного удовольствия, но ацтекская музыка играла и социальную роль. Пышные празднества давали людям снять напряжение, расслабиться, выплеснуть энергию. Танцы и пение были развлечением, но в то же время они «сплачивали» людей и богов. Здесь нет никакого внутреннего противоречия, ведь и наши рождественские празднества и масленичные карнавалы представляют собой сочетание священных ритуалов и развлечений. Наши гимны и оратории – современные аналоги ацтекских религиозных песнопений. Эта аналогия помогает понять, почему тщательность в исполнении традиционных ритуалов была так важна для ацтеков.

Рис. 10. **Ацтекский оркестр с вертикальным барабаном, деревянным гонгом и несколькими трещотками (Флорентийский кодекс).**

Вот как писал об этом испанский монах Мотолиниа:

«На этих религиозных празднествах они чествуют и восхваляют своих богов не только песнями, но также

и своим сердцем и движениями своих тел. Чтобы сделать это как подобает, они используют устоявшиеся схемы, не только в движениях головы, рук и ног, но и всего тела».

В одиннадцатый месяц года люди собирались на закате дня на площади для исполнения танца «взмахи рук»: четыре ряда танцоров передвигались по кругу молча и без всякого музыкального аккомпанемента. Также был «змеиный» танец, в котором воины и девушки брались за руки, а в другом танце знатные люди Теночтитлана и Тлателолько выстраивались в два ряда лицом друг к другу. Многие из обрядовых танцев скорее представляли собой музыкальные спектакли, в которых жрецы или артисты, изображавшие богов, исполняли сольные партии, а все остальные выступали в качестве хора и кордебалета.

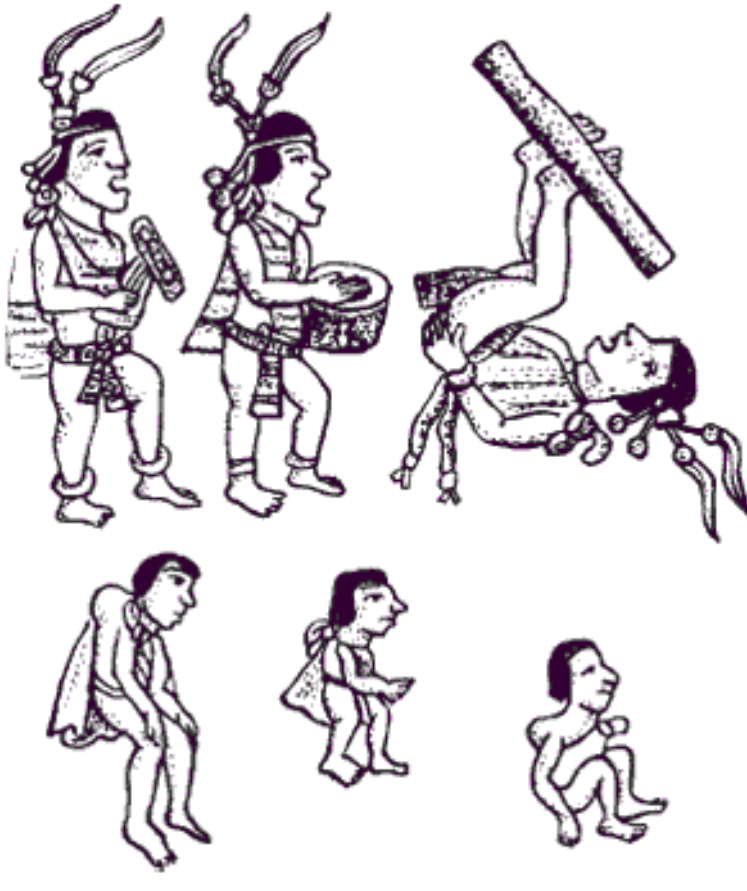

Рис. 11. **Артисты, развлекающие знать. В представлении участвуют музыканты, жонглер, горбуны и карлик (Флорентийский кодекс).**

Помимо религиозных танцев были и светские танцевальные действа, в которых принимало участие до 4 тысяч человек. Дуран описывает вызывающий и непристойный танец, который он сравнивает с сарабандой, в других танцующие обнимали друг друга за шею или талию. Был светский танец, в котором исполнители брались за руки, образовывая две длинные шеренги, каждую из них вел опытный танцор, и его движения повторяла вся шеренга. Иногда он копировал манеры чужестранцев, женщин или пьяниц. Он то и дело менял темп танца, обостряя ощущения. При этом два человека читали нараспев стихи, а остальные вторили им в хоре.

Музыка не записывалась, поэтому ни одна ацтекская мелодия до нас не дошла. В Теночтитлане были специальные учебные заведения, в которых опытные наставники обучали мальчиков и девочек пению, танцам и игре на музыкальных инструментах.

У ацтеков не было четкого разграничения между музыкальным и литературным искусством. Стихи пели или декламировали под музыкальное сопровождение. Над текстами некоторых поэм есть обозначения, задающие ритм тепонастли, которые аккомпанировали декламаторам. Даже слова, обозначающие «поэму» и «песню», имели один корень.

Из изучения текстов песен ясно, насколько музыкальные действа отражали ацтекские религиозные верования и чаяния нации. По этой причине испанцы сделали все, что в их силах, чтобы принизить ацтекскую музыкальную традицию. В 1555 году (спустя тридцать один год после конкисты) было издано такое указание: «Индейцы не должны петь указанные песнопения из своих ритуалов без предварительного одобрения духовенства или людей, которые хорошо знают язык. Проповедники должны следить за тем, чтобы в этих песнопениях не было ничего языческого и нечестивого».

Язык и устная литература

Язык науатль приятен слуху, с легким произношением и обладает богатым словарным составом. Подобно греческому и немецкому языкам, науатль имеет обыкновение строить длинные, сложные слова посредством того, что М. Леон-Портилья назвал *лингвистической инженерией* – вид языковой структуры, позволяющей с легкостью создавать абстрактные термины, в которых можно выразить философские или поэтические идеи.

Таким образом, разговорный науатль обладает большой гибкостью, но, к сожалению, ацтекская система письма была не способна запечатлеть сложные или абстрактные суждения. Антонио де Геррера, хронист короля Филиппа II, проницательно заметил:

«…Оттого, что их письмо не так совершенно, как наше собственное, они не в состоянии точно все записать и отражают лишь суть своих мыслей. Однако они заучивают множество речей, молитв и песен. Они очень заботятся о том, чтобы молодые люди учили их наизусть, и для этого создают школы, в которых старики обучают группы молодежи. Только так тексты сохраняются во всей своей полноте». И действительно, заучивание наизусть было важной частью образова-

ния детей – в особенности посещавших школу *телъпочкалли,* где чтению и письму не обучали.

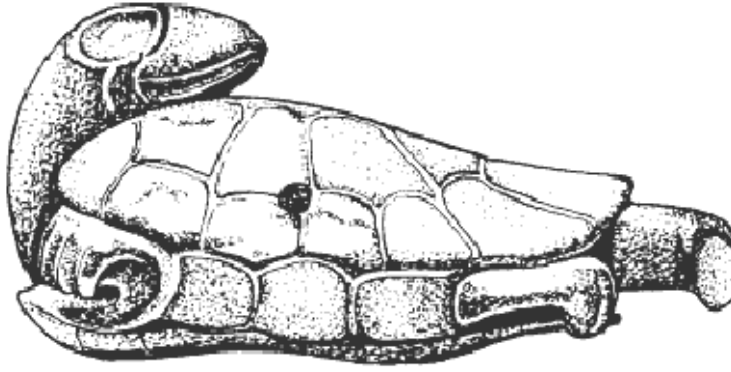

Рис. 12. **Вырезанная из дерева черепаха длиной 8 см. Некогда была частью посоха или трещотки.**

В силу невозможности использовать иероглифы для записи поэзии с ее утонченными мыслями и языком окрепла устная традиция – она сохранила литературу, написанную на языке науатль. Самые значительные песни и речи передавались из поколения в поколение. В одном из своих стихов Нецауалькойотль сказал так:

Мои цветы никогда не увянут,

моим песням не суждено быть забытыми:
Я, певец, исполню их,
и они разнесутся повсюду.

Эта поэма была сочинена, должно быть, незадолго до смерти правителя (1427 г.), но ее все еще исполняли в XVI веке, когда испанцы разработали алфавит и стало возможным записывать ацтекскую литературу. Около 2 тысяч различных текстов были зафиксированы таким образом. Среди них – гимны; эпические поэмы; лирические поэмы, воспевающие красоту цветов или скорбящие о быстротечности человеческой жизни; драматические произведения и фрагменты театральных пьес; песни, передающие ацтекские легенды и исторические песни; произведения на философские темы; поэтические сообщения (о болезнях, кометах, происшествиях на охоте), а также произведения комического характера. Основными категориями прозы были исторические хроники и так называемые «Наставления старших» – пространные менторские речи, адресованные молодым людям.

Как мы говорили, поэзия была предназначена в основном для пения или декламирования под аккомпанемент. Это оставило свой отпечаток на структуре стихов – мексиканская поэзия имеет характеристики, обычные для устной литературы во всем мире. Такие

испытанные приемы, как повторение, параллелизм и использование рефренов, обнаруживаются везде, где устное творчество преобладает над письменным (например, в псалмах, а также в оперных ариях, народных песнях, политических речах и детских стишках). Они выполняют двойную функцию – делают стихи более легкими для запоминания и в то же время снижают темп повествования, так что у аудитории достаточно времени, чтобы постичь смысл произведения.

Поэзия науатль нерифмованная. Она достигает музыкального эффекта благодаря ритму и балансу ударных и безударных слогов, комбинированных с искусным использованием цезур и естественных пауз. Популярные приемы – ассонанс и аллитерация. Язык – возвышенный, наполненный метафорами, параллелизмами и скрытыми аллюзиями. Последнее в особенности характерно в отношении гимнов, которые по-настоящему были понятны только жрецам и людям образованным. Некоторые из этих произведений – магические заклинания, повторяемые снова и снова с незначительными вариациями, как в этой песне, адресованной богине маиса:

> О семь початков, пробудитесь, встаньте. Наша мать,
> теперь ты покидаешь нас;
> ты уходишь в свой дом в Тлалокан.

Пробудитесь, встаньте. Наша мать,
теперь ты покидаешь нас;
ты уходишь в свой дом в Тлалокан.

Вся поэзия науатль, религиозная или светская, полна образности. В одной военной поэме поле битвы описывается как место,

где разлит божественный пылающий напиток,
где божественные орлы почернели от дыма,
где рычат тигры,
где рассыпаны драгоценные камни и богатые украшения,
где бесценные перья волнуются, как пена,
там, где воины ранят друг друга
и знатные вельможи разгромлены наголову.

Благодаря образности поэту удалось запечатлеть весь блеск и все смешение ацтекской битвы. Он был уверен, что его аудитория поймет намек на воинов Орла и Ягуара и на кровь – «божественный напиток», – ибо она часто проливалась на алтарях во славу богов.

Еще одним излюбленным приемом, используемым как в прозе, так и в поэзии, было совмещение двух слов или фраз так, чтобы навести на мысль о понятии, которое прямо не обозначалось. Эти совмещения

всегда использовались метафорически, и прямое их значение было отчасти или полностью утрачено:

«в мешке и в сундуке» = тайна;
«в облаках, в тумане» = таинственно;
«жадеит и прекрасные перья» = красота;
«место преткновения и перекрестки» = нравственная проблема.

Словосочетание «цветок и песня» обозначало саму поэзию и являлось повторяющейся метафорой в ацтекских стихах, как в этой элегии, воспевающей поэта:

Изумруд упал на землю,
расцвел цветок, твоя песня!
Всякий раз, когда ты исполняешь свои песни здесь, в Мексике,
солнце сияет вечно.

Ацтекские речи сегодня представляют собой весьма скучное чтение. «Наставления старших» многословны и высокопарны, полны иносказаний и повторений, отягощены образностью и витиеватыми фразами, которые считались признаком изысканного стиля. Впрочем, вся литература – это продукт своего времени, и простота, которой мы так восхищаемся сегодня, всего лишь отражение скорости и суеты современной жизни. Ацтекская литература сочинялась в более спокойные времена, когда у человека было

больше возможностей спокойно сидеть и слушать, когда больше значили древние традиции и было больше условностей в повседневной жизни. Наши деды, воспитанные на длинных проповедях и многотомных романах, возможно, выказали бы ацтекской наставительной литературе свои симпатии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.